

*Адекватное
познание
реальности*

12+

ИЛИ

**КАК ЗАСТАВИТЬ
ОБЛЕЙ ДУМАТЬ?**

ПАВЕЛ СОБОЛЕВ

Павел Соболев
Адекватное познание
реальности, или Как
заставить облей думать?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38303251

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-11447-0

Аннотация

Вопрос мифического (мистического) в нашей жизни сейчас встаёт всё острее. Люди хотят знать объективную реальность и научиться воспринимать её адекватно. В книге внимание уделено механизмам самого мифотворчества. Изучена роль языка как описательной силы при создании картины мира. Показано, как неадекватные языковые конструкции создают и неадекватную картину реальности. С позиций психолингвистики, язык – это инструмент описания и орудие мышления, поэтому для начала нужно разобраться в самих орудиях и их силе. Иными словами, книга о том, что люди в разных жизненных ситуациях просто не умеют правильно их описать, что и рождает миф.

Содержание

Введение	4
Манифест против облей	10
Адекватное познание реальности,	17
1. Ощущения	21
2. Личный опыт как способ познания реальности	42
3. Мышление и практика	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Павел Соболев

Адекватное познание реальности, или Как заставить облей думать?

Введение

Решение написать данную работу было ответом на зов о помощи одной молодой девушки, с которой приключилась беда... Она оказалась в кругу людей, которые её не понимали.

Обладая для своих лет очень пытливым умом, увлекаясь некоторыми научными дисциплинами и имея самый неподдельный интерес к познанию объективного мира, в какой-то момент девушка обнаружила, что находится среди людей, совершенно не понимающих и не принимающих её интересов и взглядов. В кругу этих людей в ходу были такие излюбленные термины, как "телепатия", "ясновидение", "карма", "высшие силы", "чакры", "сглаз", "душа", "реинкарнация" и много других подобных, которые плещутся в неокрепшей черепной коробке обывателя от стенки к стенке, не встречая

преград.

Девушка не выдержала регулярных разговоров своих друзей о Запредельном, и поделилась наболевшим с автором этих строк, зная его как человека с твёрдо устоявшимся материалистическим мировоззрением, подкреплённым тоннами изученных фактов из самых разных наук.

Это было именно крик души, зов о помощи – так всё было серьёзно.

Заканчивалось письмо восклицанием: "Как заставить людей думать?!"

Точнее, письмо должно было закончиться именно так, но случай внёс свои коррективы, в результате чего в призыв вкралась опечатка, и он прозвучал "Как заставить облей думать?!".

Так и родился термин "обль"...

Забавный на слух, он закрепился в нашей речи, поскольку удивительным образом сочетал в себе и сокращённый вариант термина "**обыватель**" (это было совершенно случайно обнаружено позже), и некоторый юмористический оттенок, удержаться от которого было решительно невозможно.

Ввиду строгой очерченности контекста, в котором этот забавный термин возник, вывести его определение несложно. **Обль** – это среднестатистический обыватель, не владеющий научным, понятийным мышлением в полной мере, не умеющий адекватно структурировать собственный опыт, поскольку регулярно поддаётся воздействию случайных ярких впе-

чатлений в ущерб подмечанию по-настоящему существенных сторон явления, которые остаются для него незамеченными; обль никогда не читает специализированной научной литературы на темы, о которых имеет обыкновение рассуждать, но и без этого на полном серьёзе считает себя компетентным в обозначенных сферах, то есть испытывающий иллюзию компетентности. По причине всех обозначенных факторов обль верит в так называемое сверхъестественное (духи, высшие силы, заклинания, телепатия и многое другое). Обль также не умеет отличить самую дешёвую беллетристику от научной литературы, поскольку попросту незнаком с принципами написания научных работ, ведь в руки её он никогда не берёт.

Этот призыв молодой девушки просто не мог остаться незамеченным. Так и возникла данная статья.

Надо сказать, что популярных работ по структурированию объективного знания в нашей стране до сих пор фактически не существует. Да, на русский язык была переведена книга Джонатана Смита "Псевдонаука и паранормальные явления. Критический взгляд", и появился ряд работ уже наших же, русскоязычных, авторов. Но ограниченность этих трудов заключалась и заключается в том, что критика различных мифов представлена в них в казуистичном порядке, то есть рассматривается и опровергается какой-то конкретный миф, тогда как более продуктивным было бы создание и

изложение такой работы, в которой бы выстраивался метод критического восприятия всякого знания вообще. Некоторым исключением является работа того же Смита, но собственно цельного метода у него не получилось, а вышел скорее сборник разрозненного вороха приёмов, как отличить вымысел от правды, не "спаянных" в одну целостную систему.

Иными словами, все изданные прежде работы по борьбе с псевдонауками и мифами больше похожи на своды законов древних государств, где не существовало необходимой степени обобщения, а каждое конкретное нарушение общественного порядка описывалось отдельно. К примеру, за кражу курицы – такое-то наказание, за кражу козла – такое-то наказание, за кражу быка – такое-то...

Более функциональным же описанием нарушений закона оказалось то право, что развилось позже (и существующее у нас и по сей день), где описание каждого конкретного случая с конкретным наказанием было заменено на описание их обобщений, в результате чего все эти правонарушения обобщались по одной существенной характеристике (хищение имущества в таких-то масштабах карается таким-то наказанием, хищение имущества в больших масштабах карается более суровым наказанием и т.д.; то есть все эти отдельные "курицы", "козлы" и "быки" были бы заменены на понятие имущества разной степени ценности).

Или как в Библии (Исход, 20:17) : "Не желай дома ближ-

него твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего".

А ведь можно было просто сказать – "Не укради".

Но для подобных обобщений требуется определённая сноровка, определённая ловкость в сфере, в первую очередь, психологии познания, когда всю разрозненную палитру всевозможных ложных, наивных, ненаучных верований и представлений можно было бы обобщить и свести к самым базовым принципам, которые дальше и следовало бы скорректировать, направить в умах обывателя, такими обобщениями не владеющего. Рассматривать каждое заблуждение в отдельности, пусть и снабжая его, казалось бы, достаточной контраргументацией, не является продуктивным методом, поскольку обыватель (обль) всегда сумеет "ввернуть" в озвученные тезисы некий свой аргумент, который не был учтён автором-критиком (все ведь и не учтёшь, в том и дело), и тогда вся система контраргументов попросту "летит прахом".

По этой причине и необходимо создание такого метода, который бы описывал самые общие основы познания объективного мира, не вдаваясь в изъяснения конкретных случаев в отдельности. То есть облю нужно дать **метод** опровержения, а не опровергать каждое его заблуждение в отдельности.

Данная работа, как представляется, и является первой такого плана. В ней представлены именно общие основы теории познания объективной действительности, которые по-

могут хоть мало-мальски пытливому уму избежать наивных верований, не имеющих никакого отношения к действительному положению вещей, в дальнейшем.

Манифест против облей

Эмоциональная саркастическая речь о некорректности миропонимания облями, уже в общих чертах содержащая в себе некоторые пункты, которые будут раскрываться в последующей основной работе подробно и аргументированно.

В деле познания мира они постоянно ссылаются на чувства – "я так чувствую", "я ощутил", их постоянно ведёт "интуиция", им постоянно "подсказывает душа" или в XXI-ом веке, согласно моде, это всё чаще делает "Космос" или даже "Всемирный космический разум"...

Они всё "чувствуют" и "чувствуют"... А что они там почувствовали-то уже? К примеру, они чувствуют, что воздух – это смесь из разных газов?

Они чувствуют, что вода – это смесь водорода и кислорода?

Или, к примеру, они могут почувствовать, как у них происходит процесс пищеварения? Как выделяется желудочный сок? Как печень выделяет необходимые ферменты? Как гипофиз синтезирует соматотропин? Могут ли они всегда чётко понять, что сейчас у них болит именно печень, а не что-то рядом? Их брюшная полость плотненько забита внутрен-

ними органами, в числе которых и многократно свёрнутый и компактно уложенный кишечник в 8 метров длиной, но они не чувствуют даже собственных органов, вот в чём дело, так как же они могут чувствовать чужие мысли? Будущее? Они неспособны различить в своём желудке чай или воду, так как они могут ощущать чью-то невидимую и неосязаемую ауру? Они неспособны ничего сказать о том, что творится у них внутри, так как они могут чувствовать свою "душу", которая находится чёрт знает где? Как они могут "чувствовать свои прошлые жизни"? Как они определяют, что сейчас ощущают именно свою предыдущую инкарнацию, а не зуд воспаленной селезёнки?

Знают ли они законы квантовой механики? Они познали принципы возникновения и движения элементарных частиц? Нет? А почему нет? Ведь по этим законам движутся частицы внутри них, они состоят из частиц, существующих по этим законам... Как они этого не чувствуют?

Они знают, что необходимо для производства килограмма оружейного плутония? Для этого надо перекопать половину Земного шара гигантскими экскаваторами с ковшами из космических сплавов, в которых может разместиться небольшой посёлок и над которыми трудились несколько тысяч инженеров в нескольких поколениях, затем добытую руду переработать, выделяя из неё уран, который затем и предстоит преобразовывать в плутоний в специальном ядерном реакторе, который по стоимости и технологичности превосходит

средний мегаполис.

Это наука. А какими молитвами это могут сделать они? Или каким способом "позитивного мышления"?

А космос и элементарные частицы? Мы сейчас умеем не только производить распад атомов, но и создавать их в адронных коллайдерах из вакуума, сталкивая на околосветовых скоростях пучки колоссальной энергии, попутно создавая даже маленькие чёрные дыры, одной которой хватило бы для отопления всей средневековой Франции в течение трёх лет. Мы сейчас способны не только разглядывать самую глубь материи, манипулируя с такими малыми частицами, которое и наше воображение представить не может, но и способны видеть почти самый край Вселенной... Мы наконец-то открыли гравитационные волны и стоим буквально в двух шагах от изобретения телепортации... И они всерьёз верят в существование каких-то "тонких энергий", души, реинкарнации, телепатии и телекинеза?

Чтобы иметь всё, что мы имеем сейчас (от спички и вощёной зубной нити до ядерной подлодки и Интернета), мы тысячелетия по крупицам собирали информацию о законах мироздания, выводили их опытным путём, многократно проверяя на практике и затем обобщая в теории, чтобы на основании всего этого в будущем строить ещё более исчерпывающую картину мира и в итоге этим миром овладеть. То есть начиная с самых первых каменных рубил древнего обезьяночеловека и вплоть до наших космических кораб-

лей – это всё плод накопления и структурирования человечеством объективных знаний об окружающей действительности, о мире, о принципах взаимодействия явлений в нём. Малейшие крупинки знаний отбирались и опробовались сотнями поколений людей, чтобы в итоге сложиться в то монументальное здание под названием "Наука", какую мы имеем сейчас, стоя на Луне и целясь в Марс...

А что они... "начувствовали" всеми их мистическими фибрами и чакрами за несколько тысяч лет? Что нового они узнали о "душе" за последние триста лет? А хотя бы за тысячу? Они как "чувствовали" что-то в эпоху Древнеегипетского Царства, так и "чувствуют" это же сейчас.

Никакого прогресса. Никакого накопления знаний. И ведь даже наоборот – они порой всерьёз удивительным образом утверждают, что "раньше люди знали больше"... Но как могло быть так, что знали больше, а умели меньше?

И подтверждая свою позицию, они даже и учиться их "духовным практикам" предпочитают у различных "мудрецов прошлого", по древним, как латимерия, затасканным скрижалям и манускриптам, пропитанным несмываемой пылью и переписанным по памяти уже тысячи раз ещё до рождения Цезаря.

Множество академий наук по всему миру ежегодно печатают обзоры своих достижений и открытий – десятки и сотни новых научных открытий описываются со скрупулёзной точностью, чтобы всё это мог экспериментально повторить

в любом конце света любой другой исследовательский коллектив. Уже сотню лет мы ежегодно вручаем Нобелевскую и ряд других премий за самые выдающиеся открытия в области науки. А как происходит накопление знаний у облей? Где они публикуют и аккумулируют все их практические успехи в их нелёгком деле "тонких материй"? Они хоть брошюрки какие-нибудь, дайджесты выпускают? Где всё это? Где публикации их прорывов? Как они копят свои знания и распространяют достижения?

Да попросту нет у них никакого накопления знаний. Какие "знания" у них были тысячи лет назад об их "тонких материях", таковыми и остались – не прибавилось ни на грамм. Если знание реально, то это неминуемо ведёт к его росту, к накоплению этого знания, которое в определённый

момент необходимым образом выливается в действенную практику.

Но коль скоро они серьёзно считают, что "раньше люди знали больше", то это лишь подчёркивает отсутствие всякого прогресса в накоплении того рода знаний, который они отстаивают... А отсутствие накопления знаний и, следовательно, регулярного и стабильного их применения на практике, говорит лишь об одном из двух – либо никаких знаний в действительности и нет, либо они ошибочны.

Только практика – показатель адекватности имеющихся знаний. Если нет никаких достижений на практике, то нет и никаких знаний.

Как их успехи в телепатии, телекинезе и дальновидении? Как успехи в левитации, "выходах из тела" и прочем "просветлении"?

Они утверждают, что "чувствуют" нечто, чего не чувствуем мы, нормальные люди... Но раз чувствуют только они, то и возможность изучать это есть только у них, ведь именно чувствование является изначальной базой и залогом возможности изучения чего-либо. Оптические свойства света может изучать каждый, у кого есть глаза, чтобы видеть, акустические свойства звука может изучать каждый, у кого есть уши, чтобы слышать. Так и с их "чувствованиями" – раз они "чувствуют" нечто, то у них есть возможность это изучать. Но почему же они медлят? Почему уже несколько тысяч лет топчутся на месте? Не в том ли дело, что они не чувствуют ничего принципиально отличного от того, что чувствуем и мы, нормальные люди, только они придают этим явлениям совершенно иной смысл, нежели придаём мы? И смысл, даруемый ими, никак не соответствует реальной сущности воспринимаемых вещей. Все те явления, которые они называют "чудесами" и приводят в защиту своих взглядов, на деле являются чем-то совершенно иным. И именно поэтому все их "духовные практики" – это бег на месте. Бег внутри иллюзии.

Их мышление – смесь мизерной эрудиции и невероятно низкой критичности, где регулярные систематические факты игнорируются, а случайности и единичные случаи возводятся в ранг незыблемой системы. Их мышление – узкая

извилистая тропинка, забитая ворохом случайного мусора, в глубинах которого учебники по физике и палеогенетике погребены под разлагающейся массой смехотворных статей из ярких глянцевого журналов и под спудом никчемных собственных неструктурированных впечатлений и эмоций.

Они существуют в мире, вымышленном инфантильным воображением.

Адекватное познание реальности, или Как заставить облей думать?

Вопрос объективности наших знаний о мире всегда остро стоял в философии познания. Впрочем, волновал он не только маститых философов прошлого, отдыхавших в бочках или пьющих яд, но и самого заурядного обывателя настоящего, так называемого "диванного философа". Даже ребёнок, едва научившись говорить, первым делом принимается задавать вопрос "Почему?" – что говорит о попытках разобраться в мироустройстве уже посредством его ещё несформированного мозга.

Главным образом вопрос познания действительности предстаёт в следующем виде: насколько реально то, что мы знаем?

Насколько наши знания о действительности соответствуют самой действительности?

Можем ли мы вообще утверждать, что существует некая объективная реальность?

И если объективная реальность всё же существует, то можно ли её познать?

С разным успехом в те или иные века философы разно-

го толка пытались по-своему ответить на эти вопросы: от Канта, провозгласившего принципиальную непознаваемость "вещи в себе" (то есть внутренней сути вещей), до Гегеля, провозгласившего безусловную познаваемость всякого явления и снабдившего последующие поколения конкретными методами осуществления этого процесса, впоследствии основательно и добросовестно переработанными Марксом и Энгельсом в их теории диалектического материализма.

Конечно, человечество не стояло на месте, и со временем из философии выделилась психология, а из психологии отпочковалась и психология познания (мышления).

У всякой реальной науки существует свой комплекс методов познания предмета. Главный критерий всякого научного метода познания – его объективность: он должен иметь принципиальную возможность быть задокументированным, перепроверенным и независимым от личности исследователя (то есть не быть субъективным).

Здесь важно отметить, в каком необычном положении оказалась психология с точки зрения научных критериев и методов, ведь эта некогда новоиспечённая наука претендовала на роль **объективного** познания **субъективных** феноменов... Ситуация довольно парадоксальная.

Именно эта парадоксальность позволила на первых порах становления психологии как исследовательской дисциплины распространению такого неказистого метода, как само-

наблюдение (или интроспекция). Логика первых психологов была понятна – раз те или иные переживания, ощущения даны строго конкретному субъекту, значит, только сам этот субъект и может не только сообщить о наличии этих переживаний, но и пронаблюдать за их возникновением и развитием. Субъективные переживания, мир психических феноменов невозможно изучать объективными методами – именно так считалось более ста лет назад не только простым обывателем, но и самими психологами-исследователями. Психика – это своеобразная кантовская "вещь в себе", нечто, в принципе непознаваемое извне.

Конечно же, это оказалось мифом. Психология в итоге, пройдя сложный, тернистый путь рьяных споров и исканий, всё же смогла стать объективной наукой со своим строгим комплексом исследовательских методов познания.

В конечном итоге метод самонаблюдения, был признан неудовлетворительным, поскольку никак не продвигал человека в познании принципов работы собственной психики, и в психологии возникла необходимость в новом исследовательском методе.

Интересно при этом, что миф о принципиальной непознаваемости психики, как и многие другие мифы о психологии, продолжает существовать в голове обывателя и поныне, более ста лет с момента возникновения. И вместе с этим мифом продолжает существовать и убежденность обывателя в том, что самонаблюдение – хороший и основательный метод

познания собственных психических процессов.

Но важно то, что вера в объяснительную силу самонаблюдения оказывает влияние не только на попытки обывателя понять собственный внутренний мир, но и существенно вмешивается в процессы познания им даже окружающей действительности, внося в него существенные искажения, основывающиеся на ошибочных суждениях. К примеру, предположение, что исключительно органами чувств человек способен познать объективную действительность, является ничем иным, как наивным реализмом. Наивным данный подход является потому, что исходит из неверного представления о том, что все свойства объективного мира воспринимаются человеком посредством ощущений без каких-либо искажений, и что все явления этого мира именно таковы, какими они и воспринимаются. На деле же, как показывает тысячелетняя человеческая практика, ситуация с построением картины объективного мира куда сложнее. Одними непосредственно данными ощущениями в этом деле не обойтись.

1. Ощущения как способ познания реальности

Можно было бы цитировать Сеченова и других физиологов прошлого, уже более ста лет назад указывавших на негодность самонаблюдения для познания психической реальности человека, но более действенными, думается, будут простые для понимания примеры, демонстрирующие всю несостоятельность какого бы то ни было самонаблюдения, "прислушивания" к собственным ощущениям в попытках разобраться в функционировании собственной психики. И лучше всего поэтому начать с рассмотрения того, насколько ненадёжными выступают чувственные данные при построении картины объективного внешнего мира, и затем уже перейти к ненадёжности такого построения картины внутреннего мира, нашего субъективного Я, где дела с ощущениями и их ролью обстоят ещё сложнее.

Дело в том, что в своих блаженных порывах наивного и безудержного оптимизма обыватель зачастую искренне полагает: *раз я это так чувствую, значит, так и есть...* Собственным ощущениям в народе придаётся просто гипертрофированное значение, порой даже исключительное и приоритетное перед каким-либо другим способом познания

(мышлением, в частности). **Чутьё, чувства, интуиция** – в языке есть много синонимов этой безосновательной позиции. Как правило, такими злоупотреблениями грешат ценители всяких "чакр", "кармы", "инкарнаций" и прочей брахманутры.

Увы, многие люди в силу неопытности и некритичности мышления действительно полагают, что с помощью своих чувств они способны сразу познавать сущность вещей. Будто вдохнул воздух, и сразу понял, что он состоит из азота, кислорода, аргона и прочих газов в таком-то строгом соотношении...

Неспроста в философии познания образ мира, формируемый чисто за счёт чувств, называется "кажимостью", то есть тем, что кажется. А не тем, что является...

Каждому человеку без исключения в жизни встречались десятки и сотни примеров того, когда то самое "чутьё", те самые "ощущения", его обманывали. Но почему-то при построении обывательской картины мира в расчёт это просто не берётся.

Вера в собственные "чувства" и "ощущения" наивно незыблема.

Достаточно вспомнить несметное множество разнообразных **зрительных иллюзий**, которым подвержен каждый человек (кроме аутистов и представителей некоторых малочисленных культур со специфической системой отношения

к действительности). Перечень их поистине огромен, и всё новые типы иллюзий продолжают активно открывать даже в нашем, XXI веке. На формирование зрительных иллюзий также влияют и некоторые специфические установки субъекта, например, ожидания, убеждения и прочее. В некоторых случаях даже возникают не столько зрительные, сколько квазизрительные иллюзии. Чтобы это понять, достаточно вспомнить эксперимент в одном из университетов США, когда в аудиторию входил человек, предварительно представленный студентам либо как некий технический сотрудник, либо как приглашённый профессор. После недолгого присутствия перед аудиторией он уходил, а студентов просили описать его. Та группа, которой гость был представлен как профессор, описывали его более высоким, нежели та группа, которой он был представлен как технический служащий. То есть такой **абстрактный** феномен, как статус, влияет на восприятие такого **конкретного** фактора, как рост (Майерс, 2007).

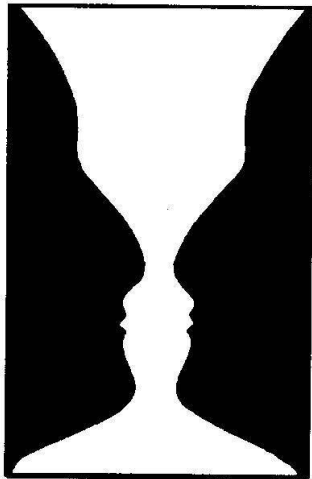
*Т*Всё дело в таком явлении в нашем мозге, как **нисходящие процессы** Суть его в том, что отделы зрительной коры мозга, получающие информацию от глазных нервов, отправляют её в несколько этапов в высшие уровни коры, где она и обрабатывается. Но интересный нюанс заключается в том, нейронные пути зрительных сигналов имеют не одностороннее направление, не только восходящие сигнала-

лы к коре, но и обратно – от коры к глазам. И, что ещё более интересно, число обратных, **нисходящих**, путей даже больше, нежели число восходящих [30]. Наиболее актуальным в нейропсихологии и нейробиологии сейчас является взгляд на процесс зрительного восприятия не как на пассивную визуальную регистрацию происходящих вовне явлений, а как на активный процесс, в ходе которого субъект постоянно, каждую миллисекунду, проверяет свои гипотезы насчёт того, что именно он воспринимает: первая порция сигналов от глазного нерва доходит до коры, распространяется по зонам, участвующим в формировании и хранении образов и понятий, сложившихся за весь предшествующий жизненный опыт, там формируется наиболее близкая гипотеза по поводу того, чему может соответствовать воспринятый объект, и сигнал для проверки отправляется обратно – к глазу, затем снова от него наверх – в кору, и так может происходить много раз за совершенно невообразимый отрезок времени. В пользу этого говорит и то, что глаз не просто статично воспринимает визуальные образы, как фотоаппарат, а производит определенные "ощупывающие" движения по внешним и внутренним контурам фиксируемого объекта – это ещё в 60-70-е хорошо изучили советские психологи методом окулографии, где приборами с микроскопической точностью фиксировались мельчайшие движения глаз при восприятии образов. Образы человека соответствовали движениям глаз, буквально очерчивающие кон-

тур наблюдаемого тела, образу стакана в блюде соответствовали движения глаз, очерчивающие контур стакана и блюда. Судя по всему, изначальный беглый осмотр объекта буквально несколькими движениями глаз создаёт первоначальный отчёт, который и отправляется в кору, затем в коре происходит обработка и возникает гипотеза-уточнение, которая уходит обратно "вниз", в глаза, тогда они в очередной раз "ощупывают" объект, но уже тщательнее, акцентируя внимание на тех его местах, изгибах и перепадах цветов и света, которые не фиксировали в первый раз, затем этот вторичный отчёт снова идёт "наверх", в кору, там образ сверяется с "базой данных" имеющихся образов и понятий (абстракций), и при наиболее близком совпадении с определённым рядом снова "вниз" отправляется очередная "гипотеза", проверяя которую глаз осуществляет ещё порцию "ощупывающих" движений по существенным частям объекта. Если воспринятые детали соответствуют "гипотезе" из коры, то образ считается опознанным, если нет – то выдвигание "гипотез" продолжается, и распознавание образа затягивается во времени. Всё это длится суице миллисекунды, и редко кто из людей удосуживается ощутить, как у него порой возникают сложности в опознании образа, хотя, конечно, такое бывало у каждого, что мы порой воспринимаем по аналогии работы фотоаппарата как "настраивание фокуса".

Всё это говорит о том, что даже наше зрительное вос-

приятие не есть некоторой процесс, осуществляемый **объективно**, независимо от нашего внутреннего мира, а строится при помощи механизмов **субъективных**, основанных на нашем прежнем опыте. В некоторых случаях нехватки зрительной информации образ-гипотеза попросту достраивается нашей психикой. И этот процесс мы можем особенно ярко наблюдать при таких явлениях, как восприятие неоднозначного образа, получившим название "фигура-фон" – когда из разнородного стимульного материала мы можем извлечь сразу два или больше образов одновременно. Наиболее известны из подобных изображений это "ваза – два лица" или "молодая девушка – старуха". Или же "Фрейд – обнажённая женщина".

Ваза Рубина: белая ваза на черном фоне? или два профиля на белом фоне?

Двойственная женщина Левитта: старуха с крючкообразным носом и острым подбородком? или девушка со вздернутым носиком?

Мы не воспринимаем эти двойственные образы одновременно, а именно "перенастраиваем" наше восприятие согласно посылаемым "сверху", из коры, "гипотезам". И каждый раз при подобной "перенастройке" мы можем наблюдать тот самый эффект, схожий с "настраиванием фокуса" в фотоаппарате. Из набора, казалось бы, случайно разбросанных пятен, мы способны "собрать" образ рыскающего в листве пятнистого дога:

Или на примере этого пейзажа... Если присмотреться, то помимо самого пейзажа в изгибе ветвей и контуров берега, мы увидим младенца.

Данное умение "собирать" некий привычный или же ожидаемый нами осмысленный образ из совокупности совершенно разрозненных воспринимаемых частей в психологии называется парейдолией или парейдолической иллюзией. Благодаря этой склонности мы способны увидеть некий осмысленный образ в сложных узорах на ковре, в изгибах ветвей, в кучах облаков и т.д. В большинстве случаев человек понимает, что ему именно кажется то, что он видит, но в некоторых случаях, когда набор разрозненных стимулов достаточно сложен и разнороден, и всё это дополняется особым освещением,

щением, ощущение восприятия конкретного образа способно казаться очень реалистичным, и только в ходе некоторых действий (подойти ближе, изменить угол обзора и т.д.) становится понятна иллюзорность воспринятого.

Таким образом, наше зрительное восприятие не есть автоматический процесс **объективного** восприятия сам по себе, а именно активный процесс с учётом нашего **субъективного**, предшествующего опыта. Мы склонны к **осмысленному** восприятию образов, поэтому мы имеем тенденцию не к беспредметному, бессмысленному, восприятию набора пятен как таковых, а именно воссоздаём **осмысленный** образ, в значительной степени дополняя его, корректируя, достраивая. Мы склонны видеть смысл во всём. Даже в том, где его объективно нет.

Отсюда и возникает вопрос : насколько можно верить нашим глазам? Или же мы что-то домысливаем, сами не осознавая того?

Нашей психике нужны лишь отправные точки, дальше все недостающие нюансы она "достроит" сама. Это и является поводом для недоверия к собственным ощущениям как способу познания действительности.

Далее достаточно вспомнить и некоторые тактильные иллюзии. Начиная с такого старого и банального эффекта, как "иллюзия Аристотеля" (когда маленький предмет, помещённый между по-особому скрещенными пальцами, восприни-

мается субъектом в удвоенном экземпляре), можно вспомнить и такую игру из детства многих из нас: когда человека просят выпрямить руку и закрыть глаза, а инициатор этого фокуса, едва касаясь, очень медленно ведет пальцем по внутренней стороне протянутого предплечья, начиная от запястья и по направлению локтя. Участник с закрытыми глазами должен сказать "Стоп", когда почувствует, как палец дойдёт до его локтевой впадины... На деле это почти никому удавалось – даже зная суть фокуса и сознательно делая определённую временную надбавку на движение пальца, субъект в итоге же всё равно всегда ошибался, потому что казалось, что "вот сейчас-то палец уж точно у локтя". Но нет, на деле, как правило, оставались ещё непреодоленные солидные 3-5 сантиметров.

Другой пример тактильной иллюзии: если человеку к спине в районе чуть выше поясницы прикоснуться двумя тонкими предметами (например, иголками или остриями карандашей) и постепенно приближать их друг к другу, отрывая и прикладывая заново, при этом меняя точки прикосновения, сближая их между собой, то при расстоянии между ними около 2 сантиметров человеку начнёт казаться, что в этот раз прикосновение было осуществлено всего одной иглой, а не двумя.

И такой банальный пример, с которым сталкивался каждый: маленький предмет во рту при ощупывании языком кажется куда больше, чем если вертеть его в пальцах перед гла-

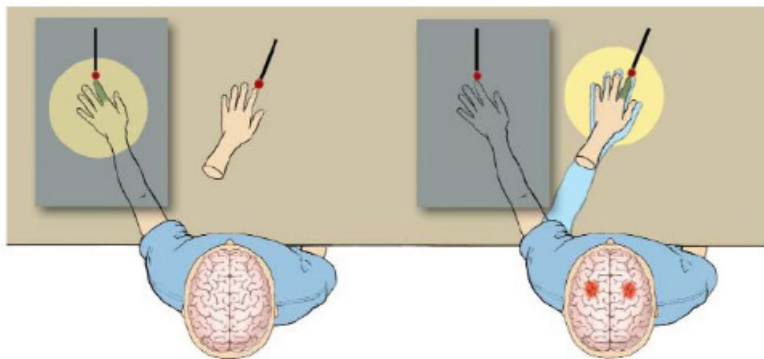
зами.

У каждой из тактильных иллюзий имеется своё объяснение. К примеру, у иллюзии с иголками причина в том, что у человека на спине находится довольно мало нервных окончаний и расстояния между ними весьма значительны, каждое такое окончание отвечает за восприятие раздражения строго со своего участка кожи (которые на деле не такие и маленькие), и вот когда две иголки касаются кожи на довольно близком друг от друга расстоянии, при этом возбуждается только тот единственный нерв, который и принимает сигналы с этого участка, поэтому в мозг и уходит сигнал лишь об одном стимуле, а не о двух.

Помимо чисто тактильных иллюзий существуют и смешанные, комплексно-сенсорные или мультимодальные, иллюзии, где одновременно участвует не только тактильная модальность восприятия, но и неотъемлемой составляющей является и зрительный анализатор (в противоположность типично тактильным иллюзиям, где зрительный анализатор, наоборот, должен быть устранён, так как способен воспрепятствовать возникновению иллюзии). Иллюзии именно подобного порядка в последние десятилетия в немалом числе всё активнее открываются представителями когнитивной науки.

Одной из наиболее известных иллюзий в этом русле стала так называемая "иллюзия резиновой руки", открытая в 1998 году.

Одна рука испытуемого лежит перед ним на столе, но при этом спрятана за экраном так, что он не может её видеть. Вместо неё испытуемый видит резиновую руку. Экспериментатор синхронно поглаживает двумя кисточками реальную спрятанную руку испытуемого и резиновую.

Вскоре испытуемому начинает казаться, что резиновая рука – это его настоящая рука, и все тактильные ощущения от прикосновений кисточки локализованы именно в ней, в резиновой руке.

(Введите в поиске на "YouTube" фразу "The Rubber Hand Illusion" и найдёте соответствующий ролик).

В наиболее экстремальных формах эксперимента под конец процедуры, когда испытуемый уже основательно "сросся" со своей новой рукой, ему резко бьют по ней молотком или ножом, – испытуемый в ужасе отдёргивает свою руку, но уже настоящую, о существовании которой успел позабыть.

(Введите в поиске на "и найдёте и этот ролик

Интересен тот факт, что у настоящей руки, о которой человек в ходе эксперимента "забывал", в действительности падала температура кожного покрова – то есть, образно говоря, организм будто начинал "отказываться" от настоящей руки, снижая её обеспечение кровью.

"Иллюзия резиновой руки" – это сложная, мультимодальная иллюзия, в формировании которой участвуют одновременно и тактильная чувствительность, и зрение. Но эта иллюзия далеко не единственная в своём роде: за последние годы нейробиологи активно открывают всё новые иллюзии, в технологии возникновения имеющие много общего с "иллюзией резиновой руки". Так были открыты "иллюзия третьей руки", "иллюзия невидимой руки", "иллюзия длинной руки" и многие другие.

Но не всегда в формировании мультимодальных иллюзий участвуют только тактильные и зрительные системы – иногда с этим справляется и конгломерат тактильных и слуховых систем, как это, к примеру, было показано в "иллюзии мраморной руки" (marble hand illusion) (Senna, 2014). В эксперименте испытуемого мягко ударяли по спрятанной за ширмой руке маленьким молоточком, а естественный звук от удара заменяли на звук удара молотка о кусок мрамора, который предъявляли испытуемому через наушники. Через пять ми-

нут таких постукиваний, сопровождающихся звуком удара о мрамор, испытуемый начинал воспринимать руку более жёсткой, тяжелой, менее чувствительной и неестественной.

К слову, "иллюзия мраморной руки" не является тактильной по своей природе, а скорее кинестетической.

Говоря уже о сугубо кинестетических иллюзиях, можно вспомнить и множество исследований в рамках теории психологической установки Дмитрия Узнадзе (Узнадзе, 2001), где в ходе недолгих манипуляций с различными видами чувствительности, удавалось добиться их искажённой работы, сообщающей субъекту откровенно недостоверные сведения об объекте взаимодействия. Достаточно вспомнить и многочисленные эксперименты в социальной психологии, когда нервная система испытуемых возбуждалась тем или иным неявным для них способом (вплоть до тайного введения адреналина), но сами же испытуемые затем пытались объяснить это собственное возбуждение первым же попавшим под руку способом (сексуальная ассистентка исследователей, высокий мост над оврагом, где и проходило исследование, и т.д.) и искренне в это объяснение верили, выстраивая на его основании своё дальнейшее поведение (*к примеру, потом брали номер телефона той самой ассистентки, если считали, что именно она вызвала их повышенное возбуждение, хотя в той группе, эксперимент с которой ставился вне высокого оврага, и, следовательно, общего возбуждения не воз-*

никало, никто потом телефоном ассистентки не интересовался) (Dutton & Aron, 1974).

Огромное множество экспериментов да и просто житейского опыта показывает, насколько ненадёжно человеческое восприятие, насколько сильно чувства человека, его ощущения, подвержены интерпретационным ошибкам.

К примеру, недавно автор этих строк зашёл в ванную помыть зубы. Вдруг он ощутил, как по ноге ползёт насекомое... Резко посмотрев вниз, на ногу, ничего обнаружить не удалось – на ноге в том участке, где и возникло ощущение, не было никаких посторонних элементов. Кроме собственных волосков ноги. И только тогда стало понятно, что дело в сквозняке (на улице, куда были открыты окна квартиры, шёл ливень, дул сильный ветер, который и разносился по всем помещениям через возможные щели под дверьми) – едва уловимый ветерок колыхал волоски на ноге, отчего они и прикасались к коже, создавая ощущение поползновения невидимого насекомого.

Нельзя полагаться на "собственные ощущения" – их необходимо перепроверять. Как минимум с помощью других ощущений, органов чувств другой модальности.

Это напоминает очень распространённые нынче различные курсы по обучению обывателя так называемым "выходам из тела" – когда человек должен принять лежащее положение, закрыть глаза и сосредоточиться с помощью опре-

делённых методик. В какой-то момент действительно возникает ощущение, будто собственное тело перестаёт существовать – и это и расценивается наивным обывателем как выход из тела (раз перестал ощущать тело, то ты якобы и вышел из него). Но весь нюанс и хитрость подобных методик заключается как раз в том, что ни в коем случае нельзя открывать глаза. Якобы, как гласят кураторы тренингов, зрительный контроль мгновенно вернёт вас в тело... Открываешь глаза – и видишь, что ты по-прежнему лежишь на диване.

На деле же суть этих трюков и сводится к тому, чтобы беспрекословно и не критично поверить лишь в одну модальность ощущений и ни в коем случае не допустить возможности их сверки с ощущениями других модальностей (зрения в данном случае). Откроешь глаза, и вся иллюзия летит прахом.

Известны и другие мультимодальные иллюзии, в которых один тип раздражителя (визуальный или кинестетический) влияет на восприятие другого типа раздражителя (к примеру, на вкусовой). В разнообразных исследованиях установлено, что белый цвет посуды придаёт еде более сладкий привкус, синий цвет посуды придаёт еде привкус более солоноватый, еда же, съеденная с помощью маленьких и лёгких столовых приборов, опять же кажется более сладкой, чем если её есть массивными приборами и т.д. (Nagar, 2013); кофе из

белой чашки кажется более насыщенным, кофе из прозрачной чашки – более сладким (Van Doorn et al., 2014); несмотря на одинаковое содержание сахара, тёмные напитки воспринимаются слаще светлых (Johnson, 1982); и т.д.

Другой пример искажённого восприятия можно найти в ещё более сложных феноменах человеческой психики, как, например, влиянии вербальной системы (второй сигнальной системы, по Павлову, или попросту – языка, речи) на ощущения организма. В частности, если прикладывать к руке испытуемого тепловой раздражитель – нагретую пластинку – и вместе с этим говорить испытуемому "холод", то его сосуды будут сужаться, как будто к руке в действительности прикладывают нечто холодное (Быков, Пшоник, 1949).

Помимо установок субъекта на восприятие предметов действительности определённое влияние оказывает и его мотивация – как было показано в некоторых недавних исследованиях (Balci et al. and Dunning, 2009), сила желания влияет на оценку расстояния. Группа испытуемых с утолённой жаждой и группа испытуемых, до эксперимента активно откормленная солёными орешками и крекерами, затем по-разному оценивали расстояние до бутылки с водой. Томимые жаждой воспринимали бутылку ближе, чем первая группа. В другом эксперименте с бросками по вознаграждаемым и не вознаграждаемым мишеням также подтвердилось, что наиболее желаемая цель воспринимается и как более близкая.

Конечно, есть некоторые иллюзии восприятия и в работе

слухового аппарата, акустические иллюзии. К примеру, благодаря эффекту Доплера, приближающийся звук слышится как более высокий, нежели если он же раздаётся в непосредственной близости от субъекта, когда в действительности он оказывается довольно низким, басовитым. Например, гудок поезда издали слышится высоким, почти пищащим, и только вблизи он звучит в мощном низком диапазоне.

Вот здесь и возникает главный вопрос: насколько можно верить нашим непосредственным ощущениям

У человечества есть множество примеров, что делать этого нельзя. Но почему-то это не мешает очень многим представителям человечества на основании работы исключительно собственных органов чувств строить свою сомнительную картину мира, опираться на которую и в малейшей степени невозможно.

А сколько зрительных, тактильных, кинестетических и акустических иллюзий ещё не открыто? Это фундаментальные и принципиально важные вопросы в деле построения объективной картины мира.

2. Личный опыт как способ познания реальности

"Как и у всех людей, у меня бывали предчувствия и случались несчастья, однако они избегали друг друга, так что за предчувствиями не следовало ничего, а несчастья приходили без предупреждения. Когда я в молодые годы жил один в чужом городе, я нередко слышал, как дорогой мне голос – которого я не мог не узнать – вдруг называет меня по имени; я отмечал себе момент этой галлюцинации, чтобы затем, беспокоясь о родных, спросить у них, что случилось в это время. Не случилось ничего. Зато впоследствии мне случилось самым спокойным образом, ничего не чувствуя, работать с моими больными, в то время как мое любимое дитя едва не умерло от кровотечения. Из числа тех предчувствий, о которых мне сообщали мои больные, также ни одно не могло быть признано мною за реальный феномен" (Фрейд, "Психопатология обыденной жизни", 1904).

"... однажды я был в общезжитии МТИ, когда внезапно мне в голову пришла мысль, совершенно из ничего, что умерла моя бабушка. Немедленно после этого раздался телефонный звонок. К телефону попросили Пита Бернейза – с моей

бабушкой ничего не случилось. Я держал это в голове на случай, если кто-нибудь расскажет мне историю с другим концом. Я понимал, что такие вещи могут иногда происходить случайно – в конце концов моя бабушка была очень стара, хотя люди могли бы подумать, что такие случаи происходят по каким-то сверхъестественным причинам" (лауреат Нобелевской премии по физике Ричард Фейнман, "Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!", 2014).

Обыватель привык безукоризненно полагаться исключительно на непосредственное восприятие, на работу своих органов чувств. Это то самое, что в сумме своей называется **личным опытом**. Но правильно организованная практика же показывает, что личный опыт – весьма ненадёжный конструкт, подверженный ситуативным влияниям и не защищённый от искажений, причём порой весьма значительных.

Помимо недостоверности самих ощущений на шаткость того, что называется "личным опытом", влияет и такой аспект, как неструктурированность знания, его несистематизированность. Под этими понятиями кроется тот факт, что человек, далёкий от научной парадигмы и от научного же способа познания действительности (тот, кто в данной работе и назван ёмким словом "обыватель" или кратко – "обль"), обычно излишне полагается на собственные впечатления, на свою память, на своё умение подмечать, быть внимательным, отчего его отчёты о том или ином событии могут сильно от-

личаться от того, что было в действительности. При таком подходе к оценке происходящих событий человек склонен преувеличивать значимость случайных факторов и, наоборот, игнорировать факторы существенные, в результате чего совокупность случайностей возводится в систему, которой на самом деле нет.

Так называемый "личный опыт" в философии и психологии получил название "обыденного знания" (которое во многом пересекается с обыденным сознанием) – это стихийный способ осознания людьми своего опыта повседневной жизни. Под стихийностью подразумевается как раз несистематизированность наблюдений, отсутствие чётких критериев, строгих объективных методов фиксации, случайность их анализа. Банальным примером обыденного сознания и "личного опыта" может служить та же борьба с лишним весом среди обывательских когорт. Когда человеку с ожирением рекомендуют воздержаться от употребления мучных и сладких продуктов (и те, и другие с высоким уровнем углеводов, которые и ведут к ожирению), в последующих самоотчётах он склонен утверждать, что мучного и сладкого стал употреблять меньше, но вес не сбавляется. Но лишь при введении "дневника питания", где человек должен записывать все потреблённые за день продукты и их объёмы, становится возможным измерить объективным численным методом количество потребляемых им углеводов, в результате чего зачастую вскрывается, что объёмы мучного и сладкого, по су-

ти, ничуть не уменьшились или уменьшились незначительно. При самоотчётах же, без ведения "дневника", человек склонен забывать о части потреблённых им продуктов или же просто игнорировать некоторые порции ("а что, это всего лишь один пирожок"), хотя субъективно ему и кажется, что общее число нежелательных углеводов он сократил. То есть несистематизированные наблюдения ложатся в основу различных масштабных теорий, наполняя реальность мифом. Человек склонен отводить явлениям, которые просто оказались наиболее яркими в его впечатлениях, роль значительных, решающих, хотя на деле они и не имеют к переменам ни малейшего отношения. И только объективные записи с указанием дат и прочего (это и есть попытка **структурирования личного опыта**) выявляют ложность подобных наивных методов.

– *Я всегда на новолуние полнею...* Есть какая-то связь с этим.

– *Да какая связь может быть? Это же несерьёзно, Катя.*

– *Не рассказывай, это действительно так. Я ведь уже многие годы наблюдаю это за собой.*

– *Погоди, ну вот сейчас как раз период новолуния...* Но ты ведь ничуть не изменилась – какой была неделю назад, такой и осталась. Это ты как объяснишь?

– *Ну это просто сейчас так...* А обычно всегда полнею.

Из разговора с приятной девушкой.

На следующее новолуние разговор повторился с точностью до слова...

Автор этих строк совсем недавно имел возможность на собственном примере убедиться в ненадёжности пресловутого "личного опыта". Возник вопрос о смене тарифа мобильной связи, чтобы иметь возможность чаще звонить в другие регионы. Исключительно навскидку траты на мобильную связь на тот момент составляли в районе 100 рублей в месяц, поэтому нужно было выбрать тариф, где стоимость отличалась бы несущественно. Но настоящим открытием оказался простой просмотр СМС с данными обо всех платежах за связь за минувшие несколько месяцев: оказалось, что ежемесячный расход на связь в действительности составлял не менее 600 рублей, а не 100, как казалось изначально, сугубо "навскидку". Разница в шесть раз. Это был яркий пример того, как нечто, кажущееся одним "по личному опыту", при систематизированном наблюдении оказывается совершенно иным.

Исследователи провели эксперимент (Hamilton, David, 1980), в котором показали, как стереотипы влияют на отсев воспринимаемой информации. Испытуемым давали предложения, в которых серией прилагательных описывались представители той или иной профессии ("Дуг, бухгалтер – робкий и задумчивый"). Секрет был в том, что в общем пред-

ставители всех профессий были поочерёдно описаны **всеми** прилагательными одинаковое число раз (фигурировал там и "Бухгалтер Билл – напористый и разговорчивый"). То есть в итоге и бухгалтеры, и врачи, и продавцы успели побывать робкими и напористыми, состоятельными и нуждающимися, разговорчивыми и задумчивыми. Но по окончании исследования этот факт не помешал участникам заявить, что они чаще читали именно о робких бухгалтерах, состоятельных врачах и разговорчивых продавцах. То есть существующий в обществе стереотип определил, на какие характеристики люди будут чаще обращать своё внимание, а какие просто проигнорируют. Социальный психолог Дэвид Майерс коротко резюмирует: "Верить – значит видеть" (Майерс, 2007).

Люди склонны с невероятной лёгкостью принимать на веру действенность некоторых лекарств. Им достаточно лишь пронаблюдать некие изменения в своём самочувствии и тут же приписать их действию именно конкретной таблетки, невзирая на то, что одновременно с ней в его организме происходили сотни других реакций, включая и самостоятельную борьбу организма с болезненным состоянием. У человека случается кашель, который завтра же проходит сам собой (в силу борьбы организма внутренними ресурсами), но это проходит для него незамеченным. Но в другой очередной же раз при кашле человеку достаточно принять таблетку и на следующий день он готов её чуть ли не боготворить, так как, по его убеждению, именно таблетка ему помогла.

При этом он совершенно забывает о том, что и сам организм успешно справлялся с подобными недугами всю прежнюю жизнь. И ему столь же безразличен тот факт, что фармацевтам требуются сотни экспериментов над разными группами испытуемых, чтобы понять действенность лекарства, тогда как ему самому в силу его наивности зачастую достаточно всего лишь одного случая и всего лишь одного испытуемого – себя самого.

В 30-ть лет автор этих строк неожиданно для себя осознал неприятный факт – он стал метеозависимым. Почти каждое утро он стал просыпаться, чувствуя себя разбитым, вялым, а порой и с головной болью. Наблюдение за регулярными скачками атмосферного давления на барометре утвердило мысль о начавшейся реакции организма на погоду. "Вот и настал ВОЗРАСТ", печально заключил автор. И так длилось около года. Но в какой-то момент всё более частыми стали наблюдения, согласно которым пробуждение в каком-либо другом городе, где доводилось оказываться порой, давалось на удивление легко и прекрасно. Конечно же, первоначальная мысль была об ином климате в этих других городах – атмосферное давление было более благоприятным для организма. Но дальнейшие наблюдения показали, что давление в поездках бывало совершенно разным – от очень низкого до очень высокого, а пробуждение по утрам всё равно проходило прекрасно, и только стоило вернуться домой,

как первое же утро показывало, что "возраст" всё-таки настал. И это было странным. Наблюдения различались, не укладывались в предложенное объяснение. Тогда пришлось основательно проанализировать весь минувший год с момента наступления того самого пресловутого "возраста", все поездки в другие города и страны, соотнести с наблюдаемой погодой и другими факторами, и причина плохого самочувствия по утрам была найдена – ортопедическая подушка-валик с наполнением из можжевельника. Именно эта, на первый взгляд, удобная диковинка была причиной годовых мьтарств, по-видимому, то ли пережимая какие-то сосуды шеи, то ли что ещё. Приобретена подушка была как раз в ту самую пору, когда проявились первые реакции "на погоду", по времени всё совпадало безупречно, и все те закономерности в наблюдениях за перепадами атмосферного давления оказались полной фикцией. В путешествия по другим городам подушка, конечно, не отправлялась, а потому тайно и губительно воздействовала на автора только в уютных условиях родного дома.

Стоило только избавиться от подушки, так и вся "метеозависимость" сразу прошла.

Таким образом, исходя чисто из своего "личного опыта" (который, по сути, не является строго структурированным), человек склонен совершать солидные ошибки в своих оценках происходящего. Именно поэтому для формиро-

вания объективной картины мира необходимо вести объективный же учёт всех меняющихся характеристик этого мира (или хотя бы конкретного явления), а не просто полагаться на свои память и наблюдательность, так как последние очень часто и даже закономерно его подводят.

"Личный опыт", обыденное сознание – это набор случайных впечатлений и излишней самонадеянности, которые никак не могут претендовать на создание объективной картины мира.

К примеру, даже если брать такую сферу, как работа мышечного аппарата собственного тела, человек может совершать ошибки в своих умозаключениях. И речь здесь не только о понимании процессов, происходящих лишь изредка, но и о процессах, которые человек совершает ежедневно, ежедневно и ежеминутно. К примеру, рассмотрим процесс бега...

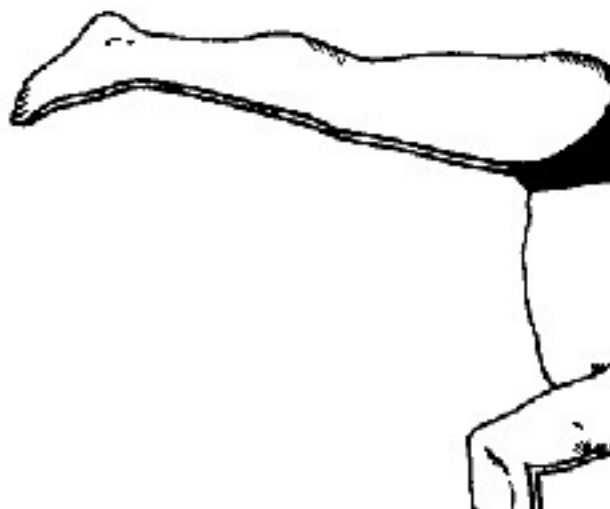
Какие мышцы ног человек напрягает в процессе бега? Ка-

кие движения ногой, как думается, совершает человек, быстро перемещаясь вперёд?

На сугубо обывательском уровне (на "личном опыте"), представляется, будто человек сгибает ноги, тем и перемещает себя вперёд. Но фактически же человек не совершает никаких сгибательных движений в коленном суставе. При беге сгибание ноги происходит сугубо под действием реактивных и инерционных сил, в которых мышцы, отвечающие за собственно сгибание ноги не участвуют. Даже наоборот, человек прилагает усилия, чтобы безопорную ногу излишне не закидывало назад и чтобы пятка не ударялась о ягодицы. Поэтому при беге наиболее активны как раз разгибатели ноги (почему при регулярных занятиях бегом и развиваются преимущественно квадрицепсы, за это отвечающие) и распрямители бедра (ягодицы), тогда как сгибатели голени (бицепс бедра) совсем не работают, несмотря на то, что голень при беге и сгибается. Иными словами, в процессе бега тело, по сути, постоянно падает вперёд, и задача человека состоит лишь в том, чтобы успевать **распрямлять** ногу и выставлять её вперёд, предотвращая собственное падение, и затем уже продвигать всю ногу назад за счёт распрямления бедра, но не сгибания голени. То есть голень **сгибается сама** в результате действия реактивных сил всей системы, полученных от ускорения. Хотя на сугубо обывательском уровне (на уровне того самого "я так чувствую", того самого "личного опыта") и кажется, будто бегун именно активно сгибает ноги. На са-

мом деле он их разгибает, а не сгибает (Бернштейн, 1947).

Другой пример возможного заблуждения насчёт работы собственного мышечного аппарата уже из более узкой сферы филигранного владения своим телом – из спортивной гимнастики. Выход с согнутых рук силой в стойку на руках.

Какие мышцы работают в данном элементе?

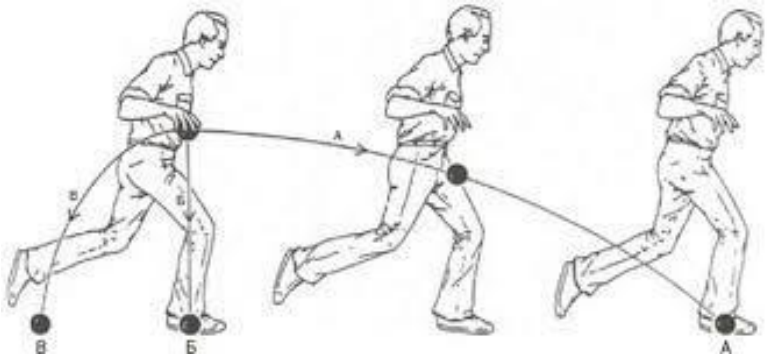
На первый (обывательский) взгляд, выход в стойку осуществляется за счёт распрямления рук, то есть за счёт разгибателей предплечья – трицепса. Но если бы это было так, то тело бы завалилось в противоположную движению часовой стрелки сторону. На деле же трицепс в данном элементе работает с минимальной нагрузкой, а основное движение происходит благодаря единой работе мышц-распрямителей плеча – передним дельтовидным мышцам, грудным и зубчатым груди. Поэтому первичное распрямление угла происходит именно между туловищем и плечом, тогда как предплечье по отношению к плечу (то есть сама рука в целом) распрямляется уже вторично, то есть в силу распрямления первого.

Помимо примеров с бегом, доступным каждому, и выходом в стойку на руках, доступного немногим, можно провести следующий элементарный эксперимент: встаньте на четвереньки и поползайте по комнате, взад-вперёд. А потом попробуйте описать, какую последовательность движений приходилось выполнять, чтобы осуществить эти поползновения... Это почти никому не удаётся – правильно описать всю последовательность движений, которые даже были совершены только что.

Другой пример, демонстрирующий несостоятельность ссылок на какой-либо "личный опыт", опять же связан с дви-

жением, доступным каждому и не единожды совершавшимся в течение жизни каждого. Речь идёт о падении предмета, если он упал из рук идущего человека.

В какой момент из обозначенных на рисунке шар коснётся земли?

Большинство опрошенных выбирают варианты Б или даже В, и лишь 20% учитывают полученную шаром от бега инерцию и выбирают правильный вариант А (White & Horwitz, 1987).

"Личный опыт" – это допустимо, когда на нём не приходится строить исчерпывающую картину мира. Далекое за примерами ходить не надо, достаточно лишь обратиться к истории человечества, к истории его воззрений на некоторые

процессы и явления, природа которых сейчас нам хорошо известна. Возьмём солнце и его отношение к Земле. Что показывает нам личный опыт? А он нам показывает, что солнце вращается вокруг нашей планеты – за сутки солнце успевает обернуться вокруг Земли, что мы и имеем возможность наблюдать собственными глазами, на "личном опыте", ежедневно. Именно этот факт на протяжении тысячелетий был неопровержим для человечества. Он был незыблем, потому что подтверждался именно ежедневным "личным опытом". Но опыт этот был не структурирован, то есть, не соотнесён с наблюдениями других сложных переменных, и лишь позже, Кеплером, Галилеем и Коперником, оказался подвергнут сомнению. "Личный опыт" показывает, что солнце вращается вокруг Земли, но только структурированный опыт по всем канонам научного познания показал нам, что наоборот – Земля вращается вокруг солнца.

"Личный опыт" не имеет веса, ценности, если он не проверяется в соотношении с чем-либо. Иными словами и "личный опыт" необходимо **проверять**, привлекая параллельные факты.

"Он [Людвиг Витгенштейн] однажды поприветствовал меня вопросом : "Почему люди говорят, что думать, что солнце вращается вокруг Земли, естественно, в отличие от того, чтобы думать, что вокруг своей оси вращается Земля?" Я ответил : "Я полагаю, это оттого, что выглядит

так, будто солнце вращается вокруг земли." "Ну," спросил он, "а как это должно было бы выглядеть, если бы выглядело так,

будто бы земля вращается вокруг своей оси?"

(Elizabeth Anscombe, An Introduction to Wittgenstein's Tractatus, 1959)

Точно так же картина обстояла и с луной – на протяжении тысячелетий человечество, исходя из своего "личного опыта", считало, что луна – светится. Что луна – такое же светило, что и солнце, только не столь мощное. Это нашло своё отражение даже в Библии, где уже в первой же книге, Книге Бытия, сказано: "И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью". И так и считалось до тех пор, пока астрономы не привлекли для оценки свои математические расчёты.

"Личный опыт" показывает, что луна светится. Но только структурированный опыт показал нам, что луна – безжизненный камень, который лишь отражает свет солнца.

Автор этих строк не может здесь не вспомнить забавный разговор бабушки и внуки, свидетелем которого он стал когда-то в общественном транспорте. Девочка, ученица начальных классов школы, делилась с бабушкой новыми знаниями, полученными от учительницы : как Земля

и другие планеты движутся по своим орбитам вокруг солнца, и как Луна обращается вокруг Земли, отражая солнечный свет по ночам. Бабушка тогда только охнула и воскликнула, что это неправда, что луна светится и это же "видно". Внучка неумело вновь пыталась сослаться на слова учительницы, но бабушка с широкой и снисходительной улыбкой убеждала внучку, что это ерунда, какую она впервые слышит... И только вмешательство неравнодушных и удивлённых средневековой дремучестью бабушки пассажиров помогло уже было засомневавшейся внучке остаться на своих позициях, услышанных на уроке природоведения.

Если бросить кусок металла в воду, то пресловутый "личный опыт" покажет, что он не может плавать. Но мы строим гигантские корабли из металлов весом в тысячи тон, которые безо всякой магии держатся на воде.

"Личный опыт" показывает, что ничто тяжёлое летать не может, если не машет крыльями. Что уж тут говорить о человеке, который крыльями не награждён от природы. Но в итоге мы не просто летаем, а делаем это на многотонных машинах, которые крыльями совсем не машут, а порой и вовсе их не имеют.

Другой курьёзный пример, доступный наблюдению каждому, это плоскость наклона жидкости в стакане. Нарисуйте два стакана, один ровно стоящий и другой – наклоненный. А затем нарисуйте плоскость наклона жидкости, содержащей-

ся в них... Несмотря на всю очевидность задания, несмотря на то, что плоскость поверхности жидкости всегда параллельна земле, большинство испытуемых в наклоненном стакане изображает жидкость так же слегка наклоненной по отношению к горизонтали (Hecht and Proffitt, 1995), (McAfee & Proffitt, 1991).

Если попросить ребёнка попасть в условленную цель, запустив в неё грузиком на верёвочке, которую сначала надо раскрутить для броска, как пращу, то после недолгого обучения ребёнок овладевает навыком и попадает в цель, но даже после этого для него оказывается большой трудностью объяснить траекторию движения снаряда и тот момент, когда именно во время вращения рука его отпустила. Чем младше ребёнок, тем хуже ему даётся это объяснение, несмотря на то, что само действие он выполняет абсолютно правильно. Самые младшие утверждают, будто они отпускают верёвку аккуратно напротив цели, и грузик летит точно по прямой, хотя на самом деле это не так (Пиаже, 1970б).

Но не только дети, но даже и взрослые умеют точно бросить снаряд в цель, но затем не могут нарисовать путь снаряда (Caramazza, McCloskey & Green, 1981).

Или же другой известный и широко распространённый миф, будто волосы и ногти человека растут даже после его смерти. На самом же деле эффект роста создаёт обезвоживание мёртвого тела, которое ссыхается и уменьшается в размерах, отчего ногти и волосы начинают казаться длиннее.

"Личный опыт" не имеет достаточного веса в построении объективной картины мира именно в силу своей неструктурированности, то есть отсутствия объективной регистрации (фиксации) и несоотнесённости наблюдаемого явления со множеством других возможных факторов, переменных, сопровождающих данное явление. То, что называется "личным опытом", необходимо нуждается в проверке, в анализе, чего в обычной жизни человек совершенно не проделывает, сразу же вынося суждение, основанное на одном лишь наблюдении, где всё внимание уделяется лишь наиболее яркому впечатлению, на фоне которого прочие, по-настоящему существенные факторы, попросту выпадают из поля зрения.

3. Мышление и практика как способ познания реальности

В реальности же для объективного познания действительности одного лишь чувствования недостаточно. Для этого необходимо правильное сочетание как **собственных ощущений**, получаемых мозгом из внешней среды стимулов, так и **мышления** – умения анализировать все эти поступающие стимулы и взаимоотношения между ними, их связей. Именно мышление – операциональный элемент познания, отсекающий в воспринимаемом лишнее и второстепенное и подмечающий главное, существенное в той или иной взаимосвязи между явлениями. Мышление занимается именно **выявлением связей**. И конечно же, связей скрытых от непосредственного восприятия, от ощущений, иначе бы ничего выявлять тогда и не требовалось.

В философии издавна существуют две фундаментальные категории – Явление и Сущность.

Явление – это то, что дано человеку в непосредственном ощущении, восприятии. Всё, что человек видит, слышит, осязает – это есть явления.

Сущность же – это внутреннее содержание явления, его основа. И сущность не дана в непосредственных ощущениях.

ях. Сущность необходимо выводить из явления путём его преобразования, отделения одних условий его существования от других.

Явление – это то, что мы воспринимаем, а сущность – то, что мы должны выяснить, исходя из воспринимаемого.

Мы воспринимаем жидкую воду, лёд и водяной пар. Исходя чисто из восприятия, это разные явления. Но сущность у них одна – это молекулы H_2O , находящиеся в разных условиях своего существования (поэтому, когда кто-то говорит, что H_2O – это вода в значении "жидкость", то это не совсем так). Это всё одна сущность, проявляющаяся в виде, казалось бы, совершенно разных явлений под воздействием изменчивых условий действительности. Явление есть лишь форма существования сущности, тогда как сущность остаётся неизменной и при этом сокрытой от непосредственного наблюдения. Но только явление познаётся чувствами, тогда как сущность явления познаётся мышлением, потому как сокрыта от глаз.

Познать скрытые связи внутри явлений и между явлениями возможно только с помощью анализа, "разбора" других явлений, вступающих с первым в какое-либо взаимодействие, в ходе которого скрытые связи в том или ином виде проявляются, делаются "видимыми", но уже не для собственно зрения, а именно для мышления. Ведь в очень упрощённом понимании, мышление – это способность судить о свойстве одного явления за счёт изменения свойств другого явления.

Весь нюанс мышления в том, что оно возникает как раз там, где заканчиваются возможности восприятия.

Наше восприятие имеет свои пределы, которые не позволяют нам узнать о мире больше, чем доступно органам чувств. К примеру, благодаря непосредственному восприятию мы можем оценить твёрдость поролона и можем оценить твёрдость камня. Здесь пока ещё само восприятие, "ощупь", позволяет нам понять, что камень твёрже, чем поролон. Это знание непосредственно, оно вытекает из работы самих органов чувств, из тактильных рецепторов.

Но вот нам всё так же на ощупь требуется определить и сравнить уже твёрдость камня и железа... Здесь и происходят трудности, поскольку осязательные рецепторы достигают своего предела и сообщают о том, что оба эти предмета имеют одинаковую твёрдость. Порог восприятия достигнут, и непосредственный опыт говорит, что твёрдость обоих материалов одинакова. Но тут-то и начинается мышление, когда пороги восприятия исчерпаны.

Мы можем попробовать воздействовать первым предметом на второй и посмотреть на результат этого воздействия. Камень не ломает кусок железа. Но вот кусок железа раздробит камень.

Здесь-то мы и делаем умозаключение о том, что железо твёрже. Это уже будет именно умозаключением, основанным на практике, потому что порог чувствительности был исчерпан. И, что важно, как и говорилось выше, мы выявили от-

носительную твёрдость железа именно в ходе его взаимодействия с камнем. Всё сокрытое в явлениях, их сущность, проявляется, становится очевидной, только в результате воздействия и взаимодействия. И никак иначе.

Никакие "ощущения" не помогут выявить того, что скрыто, а скрыто от наших глаз и прочих чувств не просто очень многое, а львиная доля сущностей всех наблюдаемых явлений.

Но возведение же своих собственных ощущений в абсолют у многих людей достигает столь высокого уровня, что даже систематизированные и многократно экспериментально проверенные данные всякой науки, приводимые против их умозрительных выводов, основанных на пресловутых "ощущениях", не приводят к сколь-нибудь успешному результату, но, как правило, даже к насмешкам и отрицанию значимости всякой науки. Структурированный опыт науки, выверенный столетиями и тысячелетиями человеческой практики и создавший всё, что нас сейчас окружает, давший нам все блага до единого, ниспровергается одними лишь персональными "ощущениями" конкретного индивида. *Якобы "я-то знаю, а вот вы со всей вашей практикой впотьмах плутаете"*

Когда у человека нет технической возможности познать сущность того или иного явления, сущность подменяется мифологией. Так, в древние века греки наблюдаемые молнии (явление) считали стрелами, которые мечет разгневанный Зевс (попытка придумать сущность). И только с раз-

витиём науки мы узнали, что сущность молний – это разряды атмосферного электричества, возникающие в облаках под действиям ряда физических процессов.

Другой яркий пример отношения явления к сущности – это отряд китообразных (в который входят собственно киты, касатки, кашалоты, дельфины и морские свиньи). В древности киты считались рыбами, поскольку весь их образ жизни чисто с внешней стороны (явление) значительно совпадал с рыбьим. Даже великий систематизатор животного мира Карл Линней в своём первом издании "Системы природы" (1735-й год) отнёс китов к рыбам, только в ходе дальнейших исследований исправив свою ошибку. Внешняя сторона дела (явление) не совпадала с её внутренней сутью (сущностью). В итоге китообразные были отнесены к млекопитающим (их древними предками были хищные копытные, приспособившиеся к жизни в воде и в ходе эволюции ещё более видоизменившиеся). В отличие от рыб китообразные не имеют жабр, а обладают лёгочным дыханием, теплокровны, не имеют чешуи и вскармливают своих детёнышей молоком. Так же и специфика движений тела в водной среде совпадает скорее с движениями наземных млекопитающих (плавание китообразных осуществляется не посредством движений хвоста в горизонтальной плоскости – слева направо, как у рыб, а посредством движений в вертикальной плоскости – вниз-вверх, что соответствует движениям позвоночника бегущего четвероногого животного). Плавники китообразных в корне

отличаются от плавников рыб – в их основе (под кожным покровом) по-прежнему остаётся изменившийся скелет передней конечности сухопутного млекопитающего со всеми его суставами и фалангами, тогда как плавник у рыб – это пучок прямых костных или хрящевых лучей-радиалей. Но всё это стало известно лишь в ходе исследований, позволивших отойти от непосредственных чувственных наблюдений.

Зоология предоставляет нам множество примеров того, как явление не совпадает с сущностью, когда порой за кажущейся целесообразностью и даже драматичностью каких-либо действий животного на деле не стоит не только разумная деятельность, но даже и никаких сколь-нибудь глубоких переживаний. К примеру, реакция курицы на крики цыплёнка (Bruckner, 1933)... Как только тот начинает верещать в случае какой-либо опасности, курица тут же устремляется к нему. Такую реакцию действительно можно счесть сугубо родительской и даже разглядеть здесь некие переживания матери-наседки, глубинное беспокойство за своё чадо. Но это антропоморфизм. На деле всё совсем не так. Никаких "переживаний" тут нет.

В эксперименте данное явление "материнской заботы" расчленилось на ряд условий, варьирование которых и позволило выявить его сущность. Цыплёнок привязывали за лапку к торчащему из земли стержню. Цыплёнок, лишённый возможности свободного передвижения, начинал кричать и трепетать крылышками. Курица быстро устремля-

лась к нему. В этот момент цыплёнка накрывали прозрачным стеклянным куполом. Курица тут же останавливалась. Она продолжала видеть, как её чадо беспомощно билось под стеклом в припадке страха, но теряла к нему всяческий интерес. Как только убрали звук, так и всякий "интерес" пропал. Именно крик и был безусловным раздражителем.

Всё это исключительно безусловные рефлексы, инстинкты. Пока птенец истерично бьётся под стеклом, мамаша спокойно ходит рядом и клюёт зёрнышки... Просто убрали ключевой раздражитель, и всё... Курица-мать реагирует не на опасность вокруг птенца, а исключительно на его крик.

Есть ли опасность в жизни птенца, нет ли её – а мать реагирует только на его крик. В этот момент у неё нет ни то что какого-то понимания ситуации, но нет даже и никаких переживаний. Всё это чистый рефлекс. Только очень сложный.

Многие птицы в период вскармливания атакуют всякий подвижный объект, находящийся вблизи гнезда, но почему они при этом не трогают собственных птенцов? Ответ всё тот же: наличие ключевого стимула, который блокирует их агрессивное поведение – это писк её чада. Один лишь писк. Когда птице в этот период преподносят макет птенца, она тут же на него нападает. Но стоит лишь включить в аудиозаписи его писк, так нападение мгновенно прекращается.

Это и есть действие ключевого раздражителя. Механический инстинкт. Птица не атакует макет, "принимая" его за реального птенца, стоит только воспроизвести в записи звук

его крика.. Но если же птицу оглушить, то она заклёвывает своего ребёнка насмерть, как бы громко он ни пищал.

Таким образом, материнское поведение у многих животных – это вотчина слепого инстинкта, который заключается в реагировании на строго конкретный стимул. Никаких "материнских чувств" при этом нет и быть не может. И лишь умело поставленный эксперимент, расчленяющий явление на составляющие, позволяет познать явление во всей его глубине, его сущность, тогда как обыватель в реакциях курицы непосредственно видит "материнскую заботу" и "переживания". Так в науке и демонстрируется несовпадение явления и сущности. Явление – это то, что кажется, а сущность – то, что ещё предстоит открыть за всей этой кажимостью.

Ещё один пример отношения явления к сущности – некоторые болезни и микробы. В древности многие болезни и эпидемии объяснялись человеком в рамках религиозных воззрений и объявлялись "карой небесной", ниспосланной на людей за неподобающий образ жизни. И только с изобретением Антонио Левенгуком микроскопа, удалось установить, что причиной многих болезней являются мельчайшие организмы, невидимые обычному глазу, – микробы, бороться с распространением и влиянием которых на здоровье человека нужно совсем не молитвами и благочестивым образом жизни, а несколькими иными средствами.

Обычная радуга в древности у разных культур считалась то мостом между миром живых и мёртвых (между небом и

землёй), то некоей сетью, раскинутой злыми силами в небе для отлавливания человеческих душ, то грандиозным луком некоего божества. В некоторых культурах на радугу нельзя было смотреть под угрозой ослепления и даже смерти. А на деле это простой оптический эффект преломления лучей света в капельках атмосферной воды.

Аналогичная ситуация с дождём, с кометами, которые ещё в Средние века считались предзнаменованием каких-либо масштабных событий... А на деле это простые ледяные глыбы, миллиарды лет бороздящие бескрайние просторы космоса.

Нехватка осведомлённости заполняется мифологией.

Таким образом, всякое явление, данное нам в непосредственном наблюдении, в наших ощущениях, представляет собой лишь внешнюю оболочку сокрытых под ней процессов и взаимосвязей, для познания которых требуется самая настоящая исследовательская деятельность. И итогом такой деятельности, познания, может оказаться сущность, совершенно не совпадающая с её внешним проявлением. Но невзирая на всё это, вера в силу и качество собственных ощущений у многих людей (**облей**) порой действительно переходит в область мистицизма – где верить чему-либо, кроме собственных чувств, запрещается. На деле же, если бы человек был способен лишь посредством одних ощущений постигать сущность вещей, то и всякая наука никогда не имела

бы необходимости даже возможности возникнуть.

Маркс резонно сказал об этом в своём "Капитале": *если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...* (Маркс, 1962).

И в самом деле, зачем тогда существуют всякие науки, если человек способен постигать сущность и все скрытые взаимосвязи между явлениями одними лишь своими чувствами, ощущениями, интуицией? Если это качество, эта его "чувствительность", настолько могуча, то почему же она до сих пор не принесла нам сколь-нибудь больше, нежели посредственное зрение, посредственный слух и откровенно слабое обоняние?

Но именно наука и только наука с её строгим объективным методом, с её экспериментом, с её практическим преобразованием объектов познания приводит человека к постижению объективной действительности, которая в основной массе своей как раз сокрыта от всяких непосредственных ощущений.

Критикуя тезисы Канта о "вещи в себе", которая по исходному предположению принципиально непознаваема в ходе какого бы то ни было опыта, Энгельс замечал: *Самое же решительное опровержение [...] заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим*

целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались такими «вещами в себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас" ... (Энгельс, 1886).

В своём материалистическом миропонимании Энгельс справедливо указывал, что упор в познании всякого явления надо делать исключительно на его практическом преобразовании, то есть на собственно практике. Только на практике преобразуя явление, мы способны познать его сущность, его истинные свойства. Поскольку преобразуя явление согласно нашему пониманию его, мы имеем прогноз относительно результата такого преобразования, и если он оправдывается, значит, мы поняли сущность явления правильно. Разрушая явление путём создания одних условий и затем воссоздавая его же путём создания других условий, мы способны понять сущность этого явления. Иными словами, только варьируя условия существования явления, тем самым преобразуя его, человек способен познать его сущность. И именно поэтому практика, то самое преобразование явлений, выступает исключительным и необходимым условием в деле познания действительности и формирования объективной картины мира.

В самом широком смысле **практика – есть преобразование действительности** даже если речь идёт о практи-

ке в чтении, то за ней кроется не что иное, как изменения в навыках индивида, что, конечно же, является неотъемлемой частью действительности, а ещё глубже – за этим кроется преобразование работы психического аппарата и перестройка нейронных путей мозга, включенных в реализацию осваиваемого навыка). Только посредством этого преобразования, посредством практики, человек и может познавать сущность явлений, выводить её экспериментальным путём. Если вспомнить пример с выявлением твёрдости камня за счёт воздействия на него железом, то в данном случае мы видим именно случай практического преобразования действительности с целью выявления новых качеств конкретного предмета. Таким образом, именно в преобразовании действительности, в практике, человек и познаёт мир. Преобразуя то или иное явление, мы познаём его сущность.

И успешная практика, то есть практика с получением того результата, который человек спрогнозировал и поставил своей целью, возможна лишь в том случае, если действительность, в которой эта практика и разворачивается, познана во всей её объективности, реальности.

Здесь самое время задаться вопросом, что же такое **объективность**? Термин этот на слуху у обывателя, но редко когда вызывает к основательной вдумчивости. В упрощённом виде под объективностью подразумевается соответствие чего-либо действительности, реальному положению вещей вне зависимости от нашего представления о нём. В старой фи-

лософии такая трактовка порой называлась **наивным реализмом**, то есть безосновательной верой в то, что есть некая объективная действительность, не зависящая от нашего представления о ней, и дело здесь скатывалось к откровенному нигилизму, к отрицанию всего и вся вплоть до перехода в солипсизм (*что нет ничего в мире, кроме моего представления о нём, что есть только Я, моё сознание, а весь окружающий мир – это лишь сфера моих представлений*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.